

ТЕОЭСТЕТИКА

DAVID BENTLEY HART

THE DOORS OF THE SEA

WHERE WAS GOD
IN THE TSUNAMI?

William B. Eerdmans Publishing Company
Grand Rapids, Michigan
2011

ДЭВИД БЕНТЛИ ХАРТ

ВРАТА МОРЯ

ГДЕ БЫЛ БОГ
ВО ВРЕМЯ ЦУНАМИ?

Москва
«Теоэстетика»
2022

УДК 231.5
ББК 86.37
Х 22

Редакционная коллегия:

Гагинский А. М., к. филос. н.

(ИФ РАН, главный редактор)

Вдовина Г. В., д. филос. н. (ИФ РАН)

Давыдов О. Б., д. филос. н. (Фонд «Теоэстетика»)

Карпов К. В., к. филос. н. (ИФ РАН)

Колесников С. А., д. филол. н. (БелГУ)

Макаров Д. И., д. филос. н. (УГК)

Михайлов П. Б., к. филос. н. (ПСТГУ)

Фокин А. Р., д. филос. н. (ИФ РАН)

Харт Д. Б.

Х 22 Врата моря. Где был Бог во время цунами? —
М.: «Теоэстетика», 2022. — 144 с.

ISBN 978-5-6046384-2-2

В декабре 2004 года самое смертоносное цунами XX века унесло жизни почти трехсот тысяч человек. Многие журналисты, освещавшие трагедию, задавались вопросом: как мог благой и любящий Бог допустить бессмысленную гибель людей, треть из которых были дети?

Православный богослов Дэвид Бенгли Харт оппонировал как атеистам-скептикам, так и тем христианам, которые пытаются «защитить» Бога, рационализируя зло. Оставаясь чуждым благочестивому ханжеству, Харт решает предложить свой, глубокий и подлинно христианский взгляд на проблему.

УДК 231.5

ББК 86.37

© William B. Eerdmans

Publishing Company, 2011

© Фонд «Теоэстетика», 2021

© Чистяков О. А., перевод,

2021

ISBN 978-5-6046384-2-2

Содержание

- 10 Пролог

- 13 Глава 1. ВСЕЛЕНСКАЯ ГАРМОНИЯ
- 15 Масштаб катастрофы
- 21 О реакции некоторых журналистов
- 31 С каким Богом спорил Вольтер?
- 43 Попытки «защитить» Творца: хорошие и не очень
- 55 «Слезинка ребенка»: взгляд Достоевского

- 65 Глава 2. БОЖЕСТВЕННАЯ ПОБЕДА
- 67 Природа: величественная красота или кровожадный монстр?
- 78 Космический оптимизм vs Евангелие
- 95 Нужны ли Богу страдания, чтобы быть Богом?
- 108 Зло и Промысл Творца
- 119 Вера. Надежда. Пасха

- 132 Библиографическая справка

*Кто затворил море воротами, когда оно
исторглось, вышло как бы из чрева,
когда Я облака сделал одеждою его и мглу
пеленами его и утвердил ему Мое определение,
и поставил запоры и ворота, и сказал:
«доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел
надменным волнам твоим»?*

Книга Иова 38: 8–11

*И услышал я громкий голос с неба, говорящий:
се скиния Бога с человеками, и Он будет
обитать с ними; они будут Его народом, и Сам
Бог с ними будет Богом их.*

*И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти
не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни
уже не будет, ибо прежнее прошло.*

*И сказал Сидящий на престоле: се творю все
новое.*

Откровение 21: 3–5

Посвящается Роберту Уилкену

Пролог

Эта книга вышла из краткой статьи, появившейся в разделе «Молитвенные дома» газеты The Wall Street Journal в пятницу, 31 декабря 2004 года, под названием «Дрожь сомнения». После ее появления меня попросили написать более длинную статью с расширенной аргументацией для мартовского выпуска журнала First Things за 2005 год; эта статья появилась под названием «Цунами и теодицея».

Я хотел бы поблагодарить Билла Эрдманса за предложение написать эту книгу и за то, что он приложил немалые усилия, чтобы как можно скорее опубликовать ее. Он понял раньше, чем я, что реакция, вызванная моей оригинальной статьей, требовала более обдуманного ответа, чем это было бы возможно при нерегулярном обмене электронными письмами. Я должен также поблагодарить моих собеседников, появившихся после публикации статьи, каждый из которых заставлял меня излагать свои взгляды более подробно (если не с заметно большей ясностью), чем это было первоначально. Я не могу назвать их всех, а некоторые, возможно, и не захотели бы, чтобы я называл их, поскольку разговоры,

в которых мы участвовали, — в то время, когда ужас катастрофы все еще давил на умы многих людей — иногда характеризовались скорее жаром, чем светом. Однако я должен выразить особую благодарность Энтони Эсолону за красноречие и страстность его многочисленных замечаний, а также за те мысли, которые они вызвали во мне. Я благодарю Джона Бетца за советы и поддержку, а также за его дружбу; поощрение со стороны столь даровитого ученого и богослова, естественно, не могло не утвердить меня в моих намерениях.

Эта книга посвящена Роберту Уилкену с большим уважением и благодарностью за его исключительную поддержку моей работы на протяжении многих лет, за его бесценную помощь и за то, что он первым выразил одобрение богословским сентиментам, выраженным в статье, из которой возникла эта книга. Я бы не осмелился предположить, что он одобрит все, что я здесь сказал, но надеюсь на это. Моей жене Колвин моя любовь и благодарность за ее терпение. И моему сыну Патрику, без чьей помощи (как где-то высказался П. Г. Вудхауз про свою дочь) эта книга была бы закончена в два раза быстрее, огромной любви и радости.

1

Вселенская
гармония

Масштаб катастрофы

На огромной зеленой дуге земли, образующей северо-восточный край Индийского океана и принимающей Бенгальский залив в свои объятия, простираясь от Шри-Ланки и вверх по побережьям восточной Индии до Бангладеш и Бирмы, затем вниз по Малайскому полуострову до Таиланда и Малайзии, а затем дальше по побережью Суматры до западной оконечности Явы — там богам нет числа. Индуизм в полном изобилии своих форм доминирует только в Индии, среди тамилы Шри-Ланки и в большой индийской диаспоре юго-востока Азии. Однако было время, когда ведические божеества господствовали на всех этих берегах; среди народов этого региона, исповедующих буддизм хинаяна — сингалезцев Шри-Ланки и большинства коренных жителей Таиланда и Бирмы (или Мьянмы, если угодно) — они всегда пользовались высоким, хотя и подчиненным положением в системе религиозного поклонения. Китайские общины Малайского полуострова и Индонезии, будучи махаянистами по большей части, но также даосами и конфуцианцами, имеют бодхисаттв и божееств более отдаленного происхождения. Ислам

является официальной верой Бангладеш и Малайзии и доминирующей религией Индонезии. Христианство, католическое и протестантское, имеет присутствие во всех этих землях, в некоторых случаях небольшое, но значительное, в других более скрытое и преследуемое. Что касается анимизма коренных народов, как, например, культ натов в Бирме, то ни одна из великих религий Дальнего или Ближнего Востока не преуспела в его уничтожении. И, возможно, излишне говорить, что во многих местах границы между различными традициями теряются в золотой дымке щедрого и нерефлексивного синкретизма. Очень немногие из тех, кто живет у верхних границ Индийского океана, сомневаются в том, что среди множества сверхъестественных сил, присматривающих за этими водами, — доброжелательных или капризных, трансцендентных или местных, всемогущих или просто могущественных — есть по крайней мере одна, способная управлять приливами и отливами и удерживать море в заданных пределах.

Между тем глубоко под водой, на дне океана и под ним, находится источник сил стихии, настолько обширный, конвульсивный, непредсказуемый, извечный и разрушительный, что можно почти поддаться искушению помыслить, что он сам по себе является неукротимым inferнальным божеством. И действительно, самые долговечные проявления его могущества над поверхностью моря — эти мрачные вулканические острова, расположенные

в длинной цепочке архипелага у западных берегов Индонезии, в свое время, несомненно, были объектами поклонения, молитв, умиления и благочестивого страха. Эти острова расположены вдоль, возможно, самой изменчивой геодинамической трещины в мире: места, где, по-видимому, две огромные тектонические плиты — Индо-Австралия и Евразия (на краю которых опасно балансируют Суматра и Ява) — непрерывно двигаются друг относительно друга в своих медленных, бесконечных, тысячелетних миграциях. Это огромный пласт неугасимого огня, который на протяжении геологических эпох формировал и изменял очертания всего этого полумесяца островов и континентального побережья. Его сила не ослабевает, и он никогда по-настоящему не дремлет, но знает длительные промежутки сравнительной стабильности, в течение которых жизнь наверху протекает в основном безмятежно. Там, наверху, в хорошую погоду вода представляет собой ровное, бесконечное, дрожащее отражение тропического неба, сверкающее как серебро, мерцающее кристальным блеском; ее волны сапфирово-голубые на гребнях и лазурные, темно-зеленые у оснований. Туристы, от которых так отчаянно зависят многие страны региона, приезжают тысячами, чтобы (по большей части) понежиться на пляжах цвета слоновой кости, полюбоваться красотой океана и восхититься экстравагантной пышностью флоры Южной Азии.

В хорошие дни почти невозможно представить себе медленное, постоянное, первобытное геологическое брожение на глубине многих саженей. Однако, когда сила, скрывающаяся под морским разломом, прорывается с полной мощью, опустошение, которое она наносит, более ужасно, чем разум может себе представить. Именно здесь, например, в 1883 году в Зондском проливе между Суматрой и Явой взорвался весь остров Кракатау, в результате чего погибло более 36 000 человек. Все, кроме ничтожного меньшинства, погибли не от горящего пепла, выброшенного в воздух взрывом, а от последовавшего за этим мощного цунами. Десятки тысяч мужчин, женщин и детей утонули на суше, были унесены в море или сокрушены силой воды. Более того, похоже, что этот же самый вулкан извергался подобным образом много раз в прошлом, только чтобы сформировать себя заново. Даже сейчас он снова превращается в остров в широком устье Зондского пролива, накапливая огонь для следующего извержения. Разумеется, землетрясения неизбежны. По мере своего движения тектонические плиты должны время от времени наткаться друг на друга, мешать друг другу дрейфовать, а затем вырываться на свободу. Тогда более тяжелый базальт океанского дна может фактически соскользнуть вниз и поднять более легкий континентальный шельф. Когда это происходит, может показаться, что врата моря снова широко распахнулись. Океан вырывается из своих пределов

с уничтожающей силой, и Бог — как кажется — не останавливает его волны.

Итак, это было на второй день Рождества 2004 года, когда рано утром у берегов Банда-Ачех на северной оконечности Суматры произошло землетрясение магнитудой 9 по шкале Рихтера. Вблизи эпицентра подземные толчки были чудовищно губительны, но гораздо большие разрушения, вызванные силой землетрясения, произошли (как это почти всегда бывает) от цунами, прошедшего ко всем окрестным побережьям. Огромная волна, поначалу едва заметная, распространилась во всех направлениях с необычайной скоростью, затем замедлилась и усилилась по мере приближения к суше, а после ударила с катастрофической свирепостью. Никто не был готов. Возможно, некоторые региональные правительства получили предупреждения, но эти предупреждения не были обнародованы. На береговой линии прекрасные блестящие прозрачные воды внезапно заполнились илом, мусором и мутью океанского дна и поднялись с такой ужасающей внезапностью, что очень немногие — даже далеко на Шри-Ланке — имели время убежать.

В последующие дни картина реальных масштабов катастрофы по странности медленно достигала внешнего мира. Сначала те из нас, кто жил далеко от этого региона, услышали о тысячах погибших, что казалось достаточно трагичным; затем, в последующие дни, число погибших стало исчисляться десятками тысяч и наконец сотнями тысяч, и мы в какой-то

мере почувствовали истинный ужас произошедшего. Когда я пишу, самая последняя оценка составляет почти четверть миллиона жертв. И когда изображения последствий начали появляться, они казались слишком ужасными, чтобы в них поверить: съемки людей на фоне потока, отчаянно цепляющихся за столбы и перила, а иногда теряющих хватку, чтобы быть ввергнутыми в свирепый поток воды; спутниковые снимки, показывающие, как целые острова были разорены, деревни сметены, земля лишена растительности; а также фотографии длинных участков побережья, усыпанных не только обломками, но и бесчисленными трупами, среди которых множество маленьких детей.

Учитывая масштабы катастрофы, а также страдания и горе, которые постигли стольких людей, нам, вероятно, следовало бы некоторое время помолчать. Утверждение, что за случайностями истории и природы кроется какой-то больший смысл — или, если уж на то пошло, бессмысленность — в такие времена является жестоким и самонадеянным. Благочестивые шаблоны и слова утешения кажутся не только бесполезными и банальными, но почти что богохульными; метафизические споры опасно близки к издевательству над мертвыми. Проще говоря, бывают моменты, когда нам, вероятно, не следует ничего говорить. Но, разумеется, мы обязаны говорить.

Попытки «защитить» Творца: хорошие и не очень

По правде говоря, в дни, последовавшие за землетрясением и цунами в Индийском океане, более неприятным, чем спонтанное, но предсказуемое бурление атеистических придинок, был ряд заявлений, сделанных лицами, утверждающими, что они придерживаются христианских убеждений. Некоторые из них можно было игнорировать как симптом той или иной особенно вредной патологии: садистский рев самопровозглашенного «фундаменталистского» проповедника в Вирджинии, приписывающего катастрофу Божиему гневу против язычников и ликующего от зрелища «возвышенной» жестокости Бога; веселую патологичность другого проповедника, беззаботно напоминающего нам, что некоторые из пострадавших стран печально известны преследованиями христиан; порочную беспечность консервативного католического журналиста, радующегося тому, что Бог послал цунами, которое преподавало бесценный урок всем нам, и так далее. Но появились и другие, более правдоподобные искажения христианского учения, на которые было труднее не обращать

внимания, и потому они приводили в еще большее уныние. Как бы ни были утомительны утверждения Мартина Кеттла, все же он оставался под конец дня просто бесхитростным в своей логике и напыщенным в своей дидактической торжественности. Более раздражающими были попытки благонамеренных христиан оправдать катастрофу способами, которые, хотя и непреднамеренно, делали аргументы, подобные аргументам Кеттла, одновременно и убедительными, и глубокими.

Такие оправдания, следует отметить, никогда не бывают однотипными. Они охватывают весь спектр религиозных чувств и (в зависимости от того, из какой части христианского мира они исходят) могут быть холодными, со стоической строгостью, влажными от слезливого благочестия, бледно-розовыми с болезненным метафизическим оптимизмом, истовыми, со страдальческой духовной болезненностью. Я кое-что узнал об этом, когда меня пригласили просмотреть ряд христианских веб-сайтов, чтобы ответить на вопросы и критические замечания по поводу статьи в *Wall Street Journal*, о которой я упоминал выше. Большая часть сказанного на этих сайтах была на удивление убедительна, что-то оказалось ужасно глупым, но самым захватывающим во всех замечаниях, взятых вместе, было то, насколько несовместимы друг с другом оказались выражаемые там богословские позиции.

«Слезинка ребенка»: взгляд Достоевского

Выше я говорил о нравственной силе «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера, но, разумеется, эти суждения неизбежно относительны. Вольтер был человеком XVIII века, жертвой суеверий Просвещения; потому для него всегда оставались закрытой областью глубокие размышления о темных тайнах существования и о силе иррационального. Его разум никогда не проходил через испытания идеализма и материализма XIX века, смерти и возрождения метафизики в период между Кантом и Гегелем, Революции и романтизма, дарвинизма или первых реальных проявлений откровенного нигилизма на волне медленного ухода христианства из европейской культуры, и, честно говоря, его личная теология была слишком пресной, чтобы вдохновлять на страсти — ангельские или демонические, — или вызывать какие-то слишком глубокие размышления о зле, космическом или духовном. Его поэма, следовательно, в действительности слаба по сравнению с более тонким, более безжалостным, более мучительным и более тревожным бунтом против «воли Божией» в человеческих страданиях, переданным Достоевским устами Ивана Карамазова.

Возможно, это может показаться ироничным, учитывая пылкость веры Достоевского, но суть в том, вероятно, что никто никогда не смог бы понять духовные и нравственные мотивы такого бунта с достаточной полнотой, не будучи христианином. Несомненно, это тот случай, когда христианское отношение Достоевского к невинным страданиям обладает глубиной, на которую деист Вольтер никогда даже отдаленно не был способен. Ивана Карамазова не так заботят случайности стихийных бедствий, как Вольтера; зло, о котором Иван рассказывает своему брату Алексею (Алеше) — это деяния не безличной природы, а людей, за которые можно по крайней мере назначить явную ответственность. Человечество, однако, является не меньшей частью естественного порядка, чем землетрясения и наводнения, и человеческая склонность к злобе должна быть не меньшим пятном на совести метафизического оптимиста, чем самые сильные потрясения в физическом мире. Чем бы еще ни являлось человеческое зло, оно, рассматриваемое отдельно от любой религиозной доктрины, есть космическая данность, непрерывно изливающаяся из скрытых источников грубого порыва и бесцельной воли, движимая глубинным зовом природы, как мы ее знаем, и потому возникают все те же вопросы, касающиеся мира и его Создателя, которые появляются и в отношении стихийных бедствий: *unde hoc malum* — откуда это зло? И какой Бог это допускает?